

В щели приоткрытой двери показалось испитое, желтушное девичье лицо. На вид девочке было лет тринадцать-четырнадцать: растрепанные волосы, затравленный, мечущийся взгляд, сухие, подернутые синевой губы. Она пристально разглядывала незваных гостей сквозь узкий зазор.

Все трое пришельцев были видными юношами. Цзян Минну и Цзян Сюэхэ, хоть и разные, оба отличались благородной красотой. Ли Сяохо же, пусть его жуткая маска младенца-призрака поначалу и пугала, статной фигурой выдавал привлекательного молодого заклинателя.

Пальцы девочки были испачканы иссиня-черными пятнами. Она испуганно воззрилась на гостей, но смотрела не на лица — её взор не задержался ни на безупречном облике Цзян Сюэхэ, ни на пугающей маске Ли Сяохо. Внимание сиротки было приковано к их рукам. Заметив, что те пусты, она сжалась и попыталась закрыть дверь.

Минну сразу всё понял. В своих странствиях он не раз встречал голодающих детей-беженцев, и эта девочка неуловимо их напоминала. К счастью, по дороге он прихватил немного снеди.

— Погоди! — воскликнул Минну, заметив, что дверь снова начинает закрываться.

Он поспешно достал из-за пазухи сверток с лакомствами и коробочку черно-алых пилюль — Ухунвань.

— Вот, здесь сладости. И ухунвань — одной такой пилюли хватит, чтобы не знать голода десять дней.

Минну протянул подношение. Девочка замерла, её взгляд нерешительно скользнул к угощению.

— Не бойся, мы ученики бессмертных орденов, дурного не замышляем. Если сомневаешься, я сам попробую.

Минну взял кусочек лакомства и, недолго думая, сунул его прямо в рот Ли Сяохо. Тот на миг опешил, но послушно сглотнул. Девочка неотрывно, затаив дыхание, следила за движением его кадыка. Убедившись, что парень действительно проглотил еду, она молниеносно выхватила сверток и коробку с пилюлями.

Прижав добычу к груди, она попятилась вглубь двора, по-прежнему не сводя с них настороженного взгляда. Минну невольно обернулся и натолкнулся на глубокий взор фениксовых глаз Цзян Сюэхэ. Встреча вышла столь внезапной, что Минну показалось, будто шисюн всё это время пристально наблюдал за ним, хотя лицо Сюэхэ оставалось бесстрастным, а взгляд — холодным и чистым. Стоило старшему брату отвернуться, как наваждение рассеялось.

— Не бойся нас, дитя, — негромко произнес Цзян Сюэхэ. — Мы лишь хотим узнать, что

страхлось в городе... У нас есть не только еда, но и целебные снадобья. Возможно, они помогут залечить твои раны.

Минну удивленно взглянул на девочку и только сейчас заметил, что её тонкое запястье покрыто густой россыпью мелких, похожих на уколы иглы следов. Заметив его взгляд, сиротка поспешно спрятала руки в широкие рукава.

В полумраке её лицо казалось мертвенно-бледным. Она колебалась, прижимая к себе сверток, но мгновение спустя всё же отступила в сторону, освобождая проход.

Один за другим они перешагнули порог. Двор оказался самым заурядным сыхэюанем: местами обвалившаяся кладка стен, покосившаяся черепица крыши, скудная, сиротливая утварь. Но главное — все стены от земли до крыши были усыпаны бумажными талисманами. Минну присмотрелся: большинство из них предназначались для рассеивания темной злобы и изгнания неупокоенных душ. Кое-где бумага истлела от времени — видно, висела здесь уже не один месяц.

Безмолвная девочка бесшумно, словно бесплотная тень, скользнула вперед и остановилась у дверей дома.

«Подождите меня немного», — беззвучно шевельнула она губами, одновременно показывая это нехитрыми жестами.

Спрятав гостинцы, она аккуратно приоткрыла дверь и юркнула внутрь. Из глубокого, непроглядного мрака комнаты до Минну долетел глухой, натужный кашель и тихий звон глиняной пиалы.

— Эти талисманы действительно работают, — вполголоса заметил Минну. Сгорая от любопытства, он подошел к стене и сорвал один из листков. Чернила на нем оказались подозрительно свежими, бумага едва успела просохнуть.

Цзян Сюэхэ бесшумно вырос рядом. Коснувшись пальцами исписанной поверхности, он поднес их к лицу и едва заметно втянул воздух:

— В тушь подмешана кровь.

— И не просто кровь, а пропитанная злобой оскверненных душ, — подал голос Ли Сяохо, чья маска тускло поблескивала в темноте. — Запах больно знакомый. Точно так же смердит от горы трупов на улице.

Дверь негромко скрипнула. Девочка показалась на пороге и сделала приглашающий жест. Минну тихо поблагодарил её. Теперь, вблизи, он мог разглядеть её получше. Пусть её кожа и отливала болезненной желтизной с прозеленью, черты лица оставались тонкими, а чистые,

глубокие глаза под полуопущенными веками придавали её облику сходство с призрачной дымкой, тающей на рассвете.

В комнате царил полумрак — лишь бледный лунный свет, пробивавшийся сквозь бумажное окно, очерчивал силуэт на постели.

На краю ложа покоился молодой мужчина. Его фигура казалась зыбкой, словно подернутая тончайшей пеленой, готовой порваться от малейшего прикосновения. Чертами лица он походил на сестру: те же слегка приподнятые к вискам разрезы глаз, те же аккуратные, чуть впалые ушные раковины. Лицо его было блее мела — верный признак тяжелого недуга или раны.

— Приветствую вас, почтенные господа... — негромко, на выдохе произнес больной, словно каждое слово давалось ему с трудом. — Линъюэ не может говорить и очень пуглива. Но вы, должно быть, и сами понимаете, в какое время мы живем.

Девочка взволнованно посмотрела на брата, затем согласно закивала и быстро задвигала тонкими пальцами.

«Это мой брат», — перевел Минну её бесхитростные жесты.

— Простите за беспокойство, — мягко ответил он. — Мы прибыли в Город Колокола и Барабана только сегодня и еще не до конца разобрались в том, что здесь происходит...

Из неторопливого разговора они узнали, что юношу зовут У Цин. Бедствие обрушилось на город около трех месяцев назад: беснующаяся нечисть унесла жизни большинства горожан. В юности У Цину повезло встретить странствующего заклинателя, который обучил его основам начертания талисманов. Лишь благодаря этому умению брат с сестрой до сих пор цеплялись за жизнь.

— Мы уже больше месяца не смеем носа высунуть наружу, — со вздохом продолжил У Цин. — Окрестности кишат тварями, а из-за болезни я не в силах даже дойти до городских ворот. Из-за меня бедной Линъюэ приходится терпеть все эти невзгоды... Если бы не ваша доброта, мы бы рано или поздно просто умерли здесь от голода.

Линъюэ тихонько подошла к постели, заботливо приобняла брата за плечи и подала ему чашу с остывшим чаем.

— Мы прибыли сюда именно для того, чтобы положить конец этой скверне, — ободряюще улыбнулся Минну. — У Цин, тебе известно, откуда берется эта нечисть? Вы сами её видели?

У Цин нутно раскашлялся. Воспоминания явно причиняли ему боль.

— Всё началось... с алтаря Призрачного божества Посо, — хрипло заговорил он. — Округ Личжоу испокон веков считался краем, подвластным Посо, и в нашем городе тоже стояла её кумирня. Три месяца назад зарядили нескончаемые проливные дожди. Семья Мэн отправилась к алтарю совершить подношения, но оказалась заперта непогодой и погибла при жутких, загадочных обстоятельствах... С тех пор по улицам и поползли твари. Говорят, главный злой дух выглядит чудовищно: у него шесть ушей и девять глаз, а сам он облачен в иссиня-черное одеяние. Но своими глазами мы его, хвала небесам, не видели.

— Шесть ушей и девять глаз? — Минну озадаченно переглянулся с Ли Сяохо. Ни о чем подобном им слышать не доводилось. Подобный облик куда больше подходил древним порождениям хаоса — грозным демонам-яосе, предвещающим скорую гибель мира.

Такие твари — древнейшая и опаснейшая разновидность нечисти. В древних трактатах говорилось: «Когда раскалывается земля богов и алые облака затягивают небеса, Южные небеса угасают, а священные звери свирепеют. Тогда восстают древние демоны, призрачные города распахивают врата, наводняя поднебесную хаосом, и скверна торжествует».

— Кхе-кхе... Да, всё это лишь слухи, — устало протянул У Цин. — Мы с сестрой покидаем убежище только в самый полдень, когда солнце в зените. Поговаривают, те, кто удостоился чести лицезреть истинный облик этой твари, давно расстались с жизнью. Так что правда ли у нее шесть ушей и девять глаз... теперь никто не скажет. Вы совсем еще молоды, благородные господа. Город Колокола и Барабана — гиблое место, здесь вас ждет лишь смерть. Если у вас есть возможность уйти, заклинаю: возвращайтесь обратно, пока не поздно.

— Мы не можем отступить, — качнул головой Минну. — Наш долг перед орденом — искоренить это зло. Если оставить всё как есть, скверна расползется дальше и отравит всю округу. Господин У Цин, что с твоим недугом? У нас припасены целебные снадобья, возможно, они смогут унять твою болезнь?

Позади него, безмолвные и непоколебимые, словно две храмовые колонны, стояли его спутники. Черный и алый силуэты. Один из них пристально изучал брата с сестрой, другой — скользил взглядом по убогому убранству комнаты, но оба то и дело возвращали свое внимание к Минну.

— Мой недуг застарел, обычным лекарствам он не под силу, — со слабой улыбкой покачал головой У Цин. — А вот Линъюэ... прошу вас, взгляните на неё. Вдруг её раны еще можно залечить?

Он ласково подозвал сестру. Девочка послушно шагнула вперед и закатала рукав своего поношенного платья.

Глазам молодых заклинателей предстало жуткое зрелище. Кожа на запястье девочки сморщилась и обуглилась, напоминая след от страшного ожога, а вся площадь багрового рубца была усеяна крошечными черными точками, похожими на уколы игл.

Минну присмотрелся внимательнее, и в то же мгновение по его спине пробежал ледяной озноб.

Это были вовсе не следы от игл. На изувеченной плоти копошились сотни... крошечных, живых глазных яблок.

Маленькие мерзкие очи, словно паразиты, едва заметно шевелились, водя зрачками из стороны в сторону. Одно лишь созерцание этого кошмара заставляло кожу покрываться мурашками. Минну мгновенно побледнел, с трудом сдерживая рвотный позыв.

Цзян Сюэхэ, будучи слепым, направил взор на запястье девочки, но лицо его не выразило ни капли удивления или отвращения. Ли Сяохо с любопытством оглядел шевелящуюся плоть, а затем перевел недоуменный, пытливый взгляд на Сюэхэ, чуть склонив голову набок.

Сюэхэ медленно повернул лицо в его сторону. На мгновение их взгляды встретились — чистый взор фениксовых глаз столкнулся с бездонной чернотой глаз Ли Сяохо. Воздух в комнате будто застыл. Спустя удар сердца оба одновременно отвернулись.

Этого краткого мига хватило, чтобы Ли Сяохо всё понял: этот Маленький Янь-ван нагло притворяется слепцом.

— Как... как это случилось? — выдавил Минну, до глубины души потрясенный увиденным.

— Её укусил свирепый призрак-мститель, — помрачнев, ответил У Цин. — Чтобы раздобыть хоть какую-то еду для меня, сестренка частенько бегала в город при свете дня. Однажды нечисть настигла её... С тех пор эти твари прижились на её руке. Если бы вы только могли избавить её от этой муки... Век буду молить за вас небеса!

Линьюэ, не понимая причин его скорби, испуганно захлопала ресницами и бережно отерла слезы с лица брата своим грязным рукавом.

— Раз это происки призрака, возможно, мы сумеем помочь, — Минну поспешно отогнал прочь мрачные думы и достал из походного мешочка снадобье, купленное еще в Цишэне. Этот порошок, приготовленный из истолченной духовной яшмы, славился способностью выжигать яд нечисти.

Глядя на испуганную девчущку, он смягчился. Аккуратно склонившись, Минну взял её за тонкое, ледяное запястье. Линьюэ поначалу испуганно отпрянула и ищуще посмотрела на брата. У Цин подбадривающе улыбнулся и ласково шепнул: «Не бойся, глупышка». Только тогда девочка расслабилась.

Минну сосредоточенно склонил голову. Кожа сиротки казалась замерзшей — скверна сковала ее, сделав жесткой и непослушной. Он осторожно насыпал светящийся порошок на

изувеченную плоть и, направив духовные силы к кончикам пальцев, принялся медленно вливать их внутрь, заставляя лекарство проникать в глубину шевелящихся глазных яблок.

В этот миг Цзян Минну с его полуопущенными пушистыми ресницами и мягкими, повзрослевшими чертами лица казался воплощением чистейшей, незамутненной нежности — словно сошедший со старинного свитка лесной дух-олень, явившийся спасти страждущих.

Стоявший поодаль Ли Сяохо то и дело ревниво косился на эту сцену. Он прекрасно помнил это снадобье: Минну выложил за него целое состояние в лавке Цишэна. И когда сам Ли Сяохо истекал кровью от ран, этот скряга выделил ему сущую кроху! А сейчас без раздумий изводит драгоценный порошок на какую-то неизвестную девчонку!

Ли Сяохо всерьез призадумался. «Определенно, водить дружбу с Цзян Минну — чистый убыток. К чужакам он относится куда теплее, чем к близким».

Под воздействием духовной энергии лекарство начало действовать. До ушей Минну донесся едва различимый, потусторонний визг. Кошмарные глазки один за другим лопались и растворялись, а над раной за клубился вонючий черный дым. Когда туман рассеялся, сморщенная кожа разгладилась, вернув девичьей руке прежний здоровый вид.

— Вот и всё, — Минну с облегчением перевел дух.

Линъюэ во все глаза уставилась на свое исцеленное запястье. Она осторожно пощупала некогда изувеченное место и, убедившись, что всё исчезло, расплылась в счастливой улыбке. Безмолвно приоткрыв рот от восторга, она бросилась к постели брата, спеша похвастаться чудом.

— Линъюэ, поблагодари благодетеля, — У Цин дрожащими пальцами сжал руку сестры и попытался приподняться с постели, чтобы отвесить глубокий поклон.

— Ну что ты, не стоит, — Минну ласково удержал девочку и мягко, но настойчиво уложил больного обратно на подушки. — Не нужно церемоний, господин У Цин. Это сущая безделица, да и снадобье совсем простое, грош ему цена в базарный день.

Всё это время Цзян Сюэхэ безучастно стоял в стороне. Его незрячий взгляд был направлен прямо на лицо У Цина. Спустя пару мгновений тот, словно почувствовав на себе чужое невидимое присутствие, встрепенулся и повернулся к мечнику:

— Молодой господин... Вы плохо видите?

— Верно, — поспешно вмешался Минну. — С ним недавно приключилось несчастье. Господин У Цин... не мог бы ты рассказать нам побольше о том, что творится в Городе Колокола и Барабана?

— Конечно. Всё, что мне известно, я без утайки передам вам, — кивнул юноша. — Но если вы действительно хотите докопаться до сути, вам стоит наведаться в городской храм предков. Там хоронили тех, кто погиб первыми. Возможно, служители успели оставить какие-то записи перед тем, как всё погрузилось в хаос.

Он снова зашелся в мучительном кашле. Линъюэ тут же заботливо поднесла ему кусочек лакомства, которое только что дал Минну. Девочка засуетилась, беззвучно прося его поесть, но У Цин лишь ласково покачал головой:

— Ешь сама, сестренка. Со мной всё в порядке, не тревожься.

— Храм предков? — переспросил Минну.

— Куй Цисин, с которым мы расстались у ворот, направился именно туда, — ровным голосом произнес Цзян Сюэхэ.

— Но как ты узнал? — удивился Минну. Насколько он помнил, старик Куй сделал всего несколько шагов и тут же растворился в клубах зловещего тумана.

Вместо ответа Сюэхэ поднял руку. Между его тонкими пальцами была зажата бумажная полоска талисмана, которую он только что снял во дворе. На её обратной стороне углем были набросаны четкие, уверенные линии.

— Когда они уходили, я набросал карту города по памяти. Ошибки быть не должно.

Минну взял импровизированную карту, и Ли Сяохо бесцеремонно уткнулся носом ему в плечо, тоже разглядывая чертеж. Храм предков располагался на самом юге Города Колокола и Барабана. Путь туда лежал неблизкий — в таком густом тумане дорога займет не меньше полутора часов.

— Должно быть, они надеются отыскать там зацепки, — предположил Минну, аккуратно складывая и пряча бумагу. — Что ж, раз так, нам тоже стоит туда заглянуть.

Спутники молчаливо согласились.

Минну повернулся к постели:

— Господин У Цин, нам пора идти. Может, нам всё же помочь вам выбраться из города и проводить до ворот?

— Благодарю за доброту, но не стоит, — мягко отказался тот. — У нас с Линъюэ свои планы. Город Колокола и Барабана — наш дом. Мы останемся здесь и будем ждать добрых вестей от

вас.

Минну не стал настаивать. Они втроем попрощались и вышли со двора под безмолвным присмотром провожающей их Линьюэ. Тяжелая калитка со скрипом захлопнулась за их спинами, и комната позади вновь погрузилась в зыбкие, холодные тени.

Внезапный порыв ледяного ветра взметнул дорожную пыль. И в этот момент на плече Ли Сяохо сооткался маленький Эргуэнь. Обхватив шею парня крошечными ручонками, призрачный младенец тихонько зашелся залившимся, жутким смехом, а затем пролепетал тонким детским голоском:

— Черти... черти... кругом черти!

<http://bllate.org/book/20439/2215068>